

РЕЦЕНЗИЯ

Александр Панфилов. Две повести, рассказы. 256 стр.

Странное чувство я испытывал, читая рассказы и повести Александра Панфилова.

Было в них что-то чрезвычайно знакомое. Молодые герои изъясняются на нарочитом городском арго. Повествование идет нередко от первого лица. Присутствуют элементы гротеска, фантастики.

Да это же, черт побери, знаменитая "исповедалка" шестидесятых годов! Да это же "звездные мальчики" из рассказов Аксенова, Битова, Гладилина, которые разгуливали по страницам всех толстых журналов и вдруг, как по мановению ска, канули в небытие. Неужели они юскресли?

Рассказы Панфилова будили воспоминания юности и уже этим были для меня интересны. Я подумал сначала, что автор — мой ровесник и ахнул, узнав, что родился он в 1964 году.

Все-таки "диалектическая спираль", о которой мы с вами читали в учебнике по драматургии, существует не только в умах философов. То поколение, которое шло за нами, — "отрицали" нас — и жизнью своей и творчеством. В отличие от наших, может быть, слишком непричесанных произведений, их вещи были гладкими, чистыми, лояльными — и весьма скучными. И вот уже кто-то отрицает их — притягивая руку нам — через поколение.

Новая волна. Я, конечно, слышал о ее существовании, но впервые столкнулся с ней, читая прозу А. Панфилова.

При более внимательном знакомстве с ней я увидел, что это не просто возвращение знакомого нам героя. "Звездный мальчик" юсьмидесятых весьма отличается от своего предка.

Он глубоко опустошен. Он более ничтожен. Если "мальчики" прежние за налетом ниглизма, как правило, скрывали свое истинное "я" — тело — мудреное и ранимое, то теперь такого "двойного дна" нет. Все обнажено, раскрыто и, увы, ~~ничего~~^{ничего}, ничего в себе не содержит.

Вот как проводят время молодые герои рассказа "Скука" — "интеллектуал" Иванов, рабочий парень Сашка и подружки их Ира и Оля.

Иванов " обнял за плечи Ирку и заговорил с ней о чем-то - о чем-то нудном, умном; он ведь был умница, он много знал и Ира училась заочно в институте и тоже была не дура; правда, уродина, и от этого мозги не спасают; она очень хотела замуж, эта Ирка, просто, наверно, по ночам зубами скрипела, так хотела; и вот он обнял Ирку и заговорил с ней о чем-то нудном, умном, а она ничего не поняла, а вскрикут крутилась противный слонявый Сашка...

...он вышел с Иркой на морозный балкон, он вылезил в себе равнодушие ко всему, что происходит, и ему было безразлично, что Ирка - крокодил, она спросила его: "Почему ты меня не целуешь?" И тогда он нагнулся и впился губами в ее губы, и язык его пошел гулять по ее рту, и это было долго; Ирка задыхалась часто, оторвалась от него и умоляюще сказала: "Ты слишком агрессивен..." Он улыбнулся: "Наверное, потому, что у меня сто лет никого не было, ...Послем сейчас к тебе" - добавил он утвердительно, хотя ему не хотелось ехать, сказал он от нечего делать.

... его скрючило по дороге, стало мутно от бездарности дня и от собственной злобы, и от того, что обидел Ольгу, в которую немножко влюбился и которая ни в чем не виновата, и он вылезнул все на Ирку, наговорил ей гадостей..."

Ольга же, ... "как только он с Иркой ушел, выгнала Сашку; Сашка не сопротивлялся, был совсем пьяный; и плакала, уткнувшись лицом в подушку, всю ночь напролет."

Потом Иванов, "полувлюбленный в Ольгу", подбивает клинники и к ней, "хотя обещал Сашке не делать этого". Вот он приехал к Ольге - "подтянутый, при галстукке с цветами. Громко хлопнул входной дверью, и Сашка проснулся, окинул его тяжелым взглядом, напрягся, усмехнулся недобро, - а потом выпил в два приема привезенную Ивановым водку и свалился в беспамятстве... Дальше было как во сне: и приблизившееся близко-близко, страшно-близко любимое лицо его, и какие-то слова, которые она не слышала - словно уши заложило - он взял ее на руки и понес в другую комнату - там была тахта - и она не бормотала "нет-нет".

Может, это и "голубялюбленность", но, скорее всего, Иванов так ведет себя потому, что "у него давно никого не было". И еще — от скуки, которая является доминантой его существования.

От скуки соблазняет Ольгу, от скуки издевается над Сашкой, который любит Ольгу по-настоящему, но, который, по мнению Иванова, через чур уж прост сват.

От поступков Иванова, неплохого вроде парня, веет садизмом. И одновременно: мазохизмом, — потому что он любит поиздеваться не только над другими, но и над самим собой. Вель и себя он ни в грош не ставит.

Так они и проводят время. Иванов время от времени равнодушно спит с Ольгой, Сашка окончательно спивается, за Ольгой начинает ухаживать Васяка — почти копия Сашки, только не так сильно ^{по} и более прижимистый.

А потом Иванов пишет заявление об уходе с работы и исчезает в неизвестном направлении. О дальнейшей его судьбе нам неизвестно, но мы знаем наверняка, что он везде найдет новых Ирок, Сашек, Васек, новых Ивановых, и жизнь его будет течь примерно так же.

Еще один "лишний человек"? От Онегина и Печерина — к Обломову, а через него — через мечущихся и мятущихся героев Достоевского — к "мелкому бесу" Сологуба. Такова была эволюция мелкого человека в классической русской литературе. Эволюция шла по наклонной, по линии деградации.

Сказать, что Иванов — "мелкий бес", было бы большим преувеличением. Потому что он — ^Ибес и — не мелкий. Он — ничто. Это абсолютный нуль в образе симпатичного, претящего, "развитого" молодого человека.

Его жизнь абсурдна. Ибо в ней нет смысла.

Но — и тут — то самое главное! — я ловлю себя на мысли: а сталуж

бы Иванов более симпатичен мне, если бы он был непробиваемо-бодрым, а суждения черпал бы из газетных передовиц? Ведь мы сами осудили эти плоские псевдо-оптимистические передовицы, как явления "эпохи застоя".

Иванов — тоже из этой эпохи. Но, в отличие от многих других, в нем есть своеобразная честность. Он не строит иллюзий ни относительно других, ни себя. Он не пытается выдать ноль за положительное число.

И — ему довольно-таки безразличны сомнительные жизненные блага, за которыми гонится большинство его сверстников — в том числе и симпатичная Ольга. Она, в конце концов, выходит замуж за куркулю Ваську/. Перед ^{от}ездом Иванов энергично высказывается насчет этих ^{бл} в гневно-монологическом.

Рассказ не очень большой по объему, — а впечатление такое, что он бесконечно-длинный. Так скучна, однообразна, повторяема жизнь, изображенная там. Если бы Монаску или Баккет прочитали бы этот рассказ, они позавидовали бы молодому автору.

А вот как оценим его мы?

Думаю, что — положительное. Рассказ честен, бесполитично-правдив. Таких молодых людей, как Иванов, сейчас хоть пруд пруди.

Рассказ вызывает чувство гнева и сострадания. Нам не только скучно с этими молодыми людьми — нам и жалко их, их утраченных возможностей, ибо они, юные, искалечены чудовищным лицемерием взрослых. В такой обстановке из молодых могут получиться либо ханжи, либо конформисты, либо такие опустошенные шики, как Иванов. Об исцелениях не говорим — они всегда были, но, к сожалению, не они делают погоду/.

Автор не показывает нам выхода из тупика? Ну и что! Дело ли художника — выписывать рецепт больному обществу? Главное для него — поставить верный диагноз. И Саша Панфилов, в пределах своего опыта, делает это.

Такой же "диагностичкой" ^{рес} является повесть "Партия блейты"/по-заго свок:записки молодого человека/.

Опять - почти патологическое самосбнажение главного героя. Опять - беспешность существования, беспроеветная скука в хитдижитк неполных двадцать пять лет. Опять между разгсворами о вьсоких мафиях - вялье гурки, вялье драки, вялый коллективный секс.

Лично я считаю эту повесть неудавшейся/за исключением очень энергичного начала/, так так фокус "об"ектива", через который мы смотрим на героев "дайти", - явно сбит. Изображения расплываются, лясются, автор никак не может нацунать прочной, устойчивой точки зрения, с которой он мог бы обозревать/и судить/действующих ли. Дело, видимо, в том, что ин автор уже перерос своих героев, но еще не вполне отделился от них.

Надо еще поработать над этой повестью. Один из возможных вариантов: можно утрировать образ ее главного героя. Сделать его или более смешным, или более трагичным. Тогда позиция неинлимого третью - автора - сразу сраделится и резкость изображения улучшится.

А в том, что Панфилов расстат, - в этом я не сомневаюсь. Лучшим доказательством является его фантастическая повесть "Белая точка". В повести затрагиваются фундаментальные вопросы человеческого бытия.

Во молодой герой Виктор вьсоке в мире, "где парили мир и счастье ~~и~~ ^и покой. И еще справедливость. И братство. И еще много такого, что называется словами, которые - светлы".

"...Смерти в этом мире тоже не было - ни для людей, ни для птиц, ни для деревьев.

О несчастливых далеких временах, когда счастья еще не б и люди предлагая рецепты его осуществления, лишь ухульшали дело, - о тех временах не вспоминали.

Ибо памяти тоже не было. А значит, не было и знаний. Никто ничего не знал."

"...Один раз в году отмечали День Торжества Правды. Три слова - это длинно, и люди сокращали название, они говорили: День Торжества.

Города были заспанн претами, и с утра начиналось неторопливое бурление. Люди выходили из своих дворов на улицы, улыбаались друг д.

гу, говорили добрые слова и обменивались крепкими рукопожатиями. Группы сограждан бродили в парках, сливались в тонкий ручейки — людей становилось все больше и больше, и больше становилось улыбок, добрых слов и рукопожатий; все больше благодарных глаз поднималось к небу, где торжественно восходило праздничное солнце...

...Ровно в полдень на верхней площадке поднимался верхний жрец, возлекая руки к небу, падал на колени, и вслед за ним падал на колени весь стадион — начиналась торжественная молитва. В качестве ее использовалось утвержденное некогда общее для всех симультанное стихотворение, в котором жители земли благодарили тюрпа за то, что он натворил на земле, пели о своей любви друг к другу, к шипам и деревьям, просили о продолжении своей счастливой вечности.

Это продолжалось около часа, пока обессиленные непрерывным гонением и экстазом, обливающиеся потом люди не падали в изнеможении на землю — так они лежали несколько минут, ощущая в себе все свое братство, и понимали в который раз, что они одно целое с землей и с воздухом, и со всеми окружающими их вещами.

А спустя несколько часов, словно по мановению незримой руки, в парках, на центральных площадях воздвигались столы с праздничным угощением — слегка туманящим голову золотистым питьем и изысканными закусками. Люди пели и танцевали до самой ночи.

В храмах избранные певцы декламировали брутские и симультанное стихотворения собственного сочинения, а присутствующие вразнобой мычали, подражая им, пытаясь выразить в звуках то, что открылось им в тот знаменательный день.

Ночью же мужчины и женщины любили друг друга, соединяя свои маленькие счастья в одно, огромное и всемирное, и каждая пара знала, что по всей планете разворачивается это грандиозное действо, в осущевлялось к утру все больше и больше.

Мир был наполнен благодатью..."

Это, собственно говоря, натуральный рай. Но даже и тут, в рай имевтся кое-какие проблемы. Оказывается, ~~сначала~~^{всё} ~~всё~~ июня

от времени рождаются мутанты, отличающиеся от абсолютного большинства тем, что они не способны принимать на веру установления, обязательные для всех. Они одержимы познанием. Им нужна свобода юли. Им скучно в раю.

Таких мутантами/а Виктор принадлежит к их числу/занимается специальная служба, во главе которой стоит некий Фред - личность с довольно извилистой биографией.

Сначала мутанта пытаются перевоспитать, вернуть в лоно же обретенного счастья/в принципе, это возможно, хотя и очень трудно/, а если это не удается, ^{то} их вышвыривают вон - на Белую Точку. Чтобы не нарушали райского порядка, чтобы не искушали людей, счастливых и невинных, как дети.

Жизнь на Белой Точке - это, в сущности, наша с вами, обыкновенная земная жизнь. Тайга, затерянные в ней деревеньки, разбитые дороги, по которым с ревом проходят грубые механические колмаги, карьеры, где сотрясается от взрыва земля. Народ работает, поливает овощи, сохнет и веселится. Мить, в принципе, можно, только, только вот, как говорит один из жителей Белой Точки - "убивают здесь слишком много". Ибо живут здесь не ^{то} одной общей правде, а каждый хочет найти свою собственную, и эти правды нередко приходят в непримиримую вражду между собой.

Фред, тоже когда-то выброшенный на Белую Точку, идоюль нтешил здесь свою душу, каждую неограниченной свободой. Сю летив из таких же, как и он, отщепенцев, банду, он гоним, насиловал и убивал.

Потом, после внезапного внутреннего перелома/псмогли храм Белой Точки/- т.е. святить же наши, земные христианские храмы/он возненавидел Белую Точку. И Творец, сжалившись, взял его обратно в "рай", чтобы он искупал свои тяжкие грехи ^{работой} по очищению "рая" от скверны, которую несут с собой мутанты.

Фред, влюбивший Виктора, всячески отговаривал его, рвущегося на Белую Точку:

" - И пока выродки там, на Белой Точке, рвут друг друга глот черт с ними, Ник. Они сами заслужили такую собачью жизнь."

Но я никому не позволю, — слышишь — никому! — разрушать царство добра, в котором мы живем. Мы в ответе за этих улыбающихся детей!

Страсть к своей правде, но глубокому убеждению Фреда, ведет к гибели. И если даже люди стремятся к похожим идеалам — добра, любви, разумного отношения друг к другу, — даже в этом случае пути к идеалу они выдумывают различные, а высшего судьи, который бы разрешил их спор, нет... Тогда спор они разрешат своими силами. И льется кровь.

" — В одну прекрасную минуту у огня нашего лопнуло терпение, он увидел, что свобода не пошла на пользу людям, и тогда он изменил людей, и на земле установилась великая справедливость. Мы должны быть ему вечно благодарны ему за это счастье. Ты еще не знаешь, сколько крови пролилось у нас до благословенного Дня Торжества".

Но тяга к свободе у Виктора сильнее страха перед свободной жизнью, и он, в конце концов, оказывается на Белой Точке.

Виктор шагает по этому, новому для него миру, и ему очень нравится здесь. Вот его первая встреча с обитателями Белой Точки.

" — Здравствуй, — мужик заговорил, будто они старые знакомые и расстались совсем недавно. — Слышь, парень, ты мою лошадь не видел?"

Виктор удивленно потнул головой — нет, не видел.

— Вчера, снимаясь, выпустил на луг, а она, паскуда, домой не пришла... — он хрипло рассмеялся. — Чаян вот увязался...

Виктор перевел взгляд на мальчишку — тот стоял, широко поставив ноги в зеленых резиновых сапогах, ветхое пальтишко свешивалось почти до земли, а на голове была остроконечная шапка. Мальчишка улыбнулся всем своим измазанным в ягоде лицом — глаза его были чистыми и голубыми, а улыбка такая открытая, что Виктор не удержался от смеха. Мальчишка отвел глаза, смутился и спрятался за отца — ни ден был только братик, кто им он гонимый.

Но вот Белая Точка начинает преподносить Виктору первые неприятные сюрпризы. Его чуть не убивает взрывом на карьере, у него отбирает деньги бандита Лист — тоже, кстати, бывший обитатель Р "рая"

Узнав, что Виктор дружен с Фредом, Лист приходит в ярость. Лист, оказывается, был в шайке Фреда и больше всего на свете ненавидит "этого умника, который на том свете опять ходит в начальниках". Ведь это Фред ~~спробовал~~ в Листе вкус к убийству, и это он же, Фред, ~~тогда~~ говорил ему, что убивать — это плохо, надо любить людей."

Спешащий, Виктор шагает дальше, и Белая Точка опять поворачивается к нему на влекательной стороне. Он заходит в бревенчатый домик, окруженный кустами малины и смородины, — и знакомится с Любой. Пусть она не та юная красавица из снов Виктора, есть в ней то, что так нужно ему — отсутствие баблы, внутренняя свобода, доброта. Она и в бога верует, но — добровольно. Она немножко выпивает, но это даже как-то идет к ней.

Люба зовет Виктора к себе в постель, но тут окошко избушки распаивается. Это опять ба^{ба}ба Лист.

" — Я совершил ошибку, оставив тебя жить! — кричит он — Я юнял, что ты несешь в себе заразную болезнь. Эта болезнь неизлечима. В тебе сидит Фредовская бактерия, и она очень опасна. Пусть Фред охраняет от вас тот свет, а я буду охранять от вас Белую Точку. Ты не должен жить на Белой Точке. Ты вообще не должен жить!"

Раздается автоматная очередь. Виктор погибает.

Эта повесть б^{удит} мысль. Подумать тут есть над чем.

По первому прочтению я решил, что образ Фреда — неудача а вте-ра. Вель рассуждает — то Фред по той же схеме: если счастье, то — через несвободу; если свобода, то она всегда, мол, несет в себе косяк, смерть.

Потом мое мнение изменилось. Я увидел, что сам автор не с оит на этой, Фредовской точке зрения. Он мыслит сложнее, глубже. И хотя он нигде не высказает прямо свою идею, она сама вытекает из целого повести.

Перед смертью Виктор успевает подумать: "А Фред все-таки не прав". Хотя в чем заключается неправота Фреда, он так до ю нив и не понял. За него это должны мы, читатели.

Истина, высшая правда — в таких людях, как Люба, как тот ~~мужик~~ ^{он} с папаном, ~~которые~~ ^{они} варажатся юрой солеными сл свечками, но

"их глаза наполнены таким светом, какого и не снилось обитателям рая".

Итак, нормальная, интересная, свободная жизнь возможна. Для немолодых героев произведений Александра Панилова это - вывол кардинальной важности. Если вчера, опустошенный, во всем разуверившийся, он не был годен для жизни, то сейчас всей душой он тянется к ней.

Я считаю новую повесть принципиальной удачей Александра.

И написана она с некоторым, я бы сказал, блеском. Мне, привыкшему к сухому, усредненному /газетному/ языку молодых авторов нравится стиль Панилова: сложные разветвленные предложения, скользкий синтаксис, неторопливое кружение вокруг любимых предметов, возвращение к ним. Молодой автор, видимо, любит Бунина, Пруста, а может быть, они повлияли на него всего ~~на~~ ^{на} всего через Трифонова - во всем этом нет ничего плохого. Литературных отцов всегда нужно иметь.

Но главный кумир Панилова - это, конечно, Достоевский. "Записки молодого человека" ивеевны, ~~и~~ "Записками из подполья" /самых тех идей - все говорит об этом/, а "Белая Точка" - "Одно смешного человека".

По моему мнению, тридцатипятилетний Саша Панилов уже сейчас пишет профессионально. Это конечно удлинительно, но факт.

Лет через пять он, видимо, ^{снова} ~~опять~~ станет любителем. Тот довольно узкий мир молодых героев, который ему сейчас так хорошо знаком и который он научился не без блеска изображать, - этот мир станет ему тесен. А значит - нужно будет заново учиться жить, заново учиться писать.

А пока я рекомендую повесть "Белая точка" редколлегии альманаха "Литературный Кузбасс". Повесть достойна того, чтобы ее опубликовали. Вообще подошли бы и некоторые рассказы Панилова /"Толстая", "Брак на старом сундуке", "Меленные дни", "Тихиное счастье"/, но, мне кажется, знакомство читателя с новым автором должно начаться именно с этой - спорной, но очень интересной ~~вещи~~ вещи.

В. Ширяев